

RU

Мифология дальневосточного фронта в книге С. В. Максимова
«На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.)»

Васильева Т. В.

Аннотация. Статья посвящена изучению фронтального дискурса книги С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.)». В работе охарактеризованы основные мифологемы «фронтальной мифологии» о Дальнем Востоке, обозначенные С. В. Максимовым в книге «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.)», ставшие основой для последующей литературной традиции в представлении образа восточных фронтальных территорий. Цель исследования – определить особенности творческой трансформации мифопоэтического комплекса (образов, мотивов, архаико-мифологических элементов), формирующего «дальневосточный миф» в книге С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.)». Научная новизна исследования заключается в выявлении в книге С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.)» мотивов «фронтальной мифологии», что представляется актуальным в рамках исследования прототекстовой основы дальневосточного локального сверткста в прозе второй половины XIX века. В результате доказано, что фронтальный дискурс книги С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.)» организуется вокруг демиургического мифа. Смыслорождающее значение в представлении С. В. Максимовым образа Дальнего Востока как фронтальной территории имеют также мифологема «рай/ад» и оппозиция «свой – чужой».

EN

The mythology of the Far Eastern frontier in S. V. Maksimov's book
“In the East. A Trip to the Amur (in 1860-1861)”

Vasilyeva T. V.

Abstract. The paper is devoted to the study of the frontier discourse of S. V. Maksimov's book “In the East. A Trip to the Amur (in 1860-1861)”. The paper describes the main mythologemes of the “frontier mythology” about the Far East outlined by S. V. Maksimov in the book “In the East. A Trip to the Amur (in 1860-1861)”, which became the basis for the subsequent literary tradition in presenting the image of the Eastern frontier territories. The aim of the study is to determine the features of the creative transformation of the mythopoetic complex (images, motifs, archaic-mythological elements) that forms the “Far Eastern myth” in S. V. Maksimov's book “In the East. A Trip to the Amur (in 1860-1861)”. The scientific novelty of the study lies in identifying “frontier mythology” motifs in S. V. Maksimov's book “In the East. A Trip to the Amur (in 1860-1861)”, which seems relevant when studying the proto-textual basis of the Far Eastern local supertext in the prose of the second half of the XIX century. As a result, it has been proved that the frontier discourse of S. V. Maksimov's book “In the East. A Trip to the Amur (in 1860-1861)” is organised around a demiurgical myth. The mythologeme “heaven/hell” and the opposition “friend – foe” also have a meaning-generating significance in S. V. Maksimov's representation of the image of the Far East as a frontier territory.

Введение

Предметом интереса настоящей статьи является «фронтальная мифология» в книге С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.)».

Книга С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.)» является ценным литературным трудом, заложившим традиции представления образа Дальнего Востока во фронтальной парадигме: как территориального и духовно-ментального пространства межкультурного взаимодействия, с одной стороны, и как важнейшего историко-культурного этапа развития России по освоению восточных территорий, с другой стороны. С. В. Максимов существенно изменил взгляд современников на «амурский вопрос», рассмотрев его значение не только с историко-экономических позиций, но и в аспекте осмысления русской ментальности как коллективного бессознательного русской культуры, основанной на соборности и провиденциализме, а также на вере в способность русского народа вынести все трудности через созидательный труд во имя будущего.

В настоящее время в литературоведении продолжается процесс «текстуальной революции» (Люсый, 2016). Исследования локальных топологических сверхтекстов, начиная с фундаментального труда В. Н. Топорова (2003), остаются востребованными по настоящее время.

В научном дискурсе широко представлено описание типологических черт локальных сверхтекстов, одним из них является дальневосточный локальный текст, семантическое ядро которого – фронтирность как представление о Дальнем Востоке как территории порубежья (Головнев, 2019; Забияко, 2010; Милянчук, 2014; Фетисова, 2011).

Актуальность данного исследования заключается в необходимости осмысления вклада С. В. Максимова в формирование «фронтальной мифологии», ставшей результатом художественной рецепции фронтальных процессов периода первого (сухопутного) этапа переселения на Дальний Восток. Важным также представляется выявление значимых структурно-семантических элементов в художественном мифе о Дальнем Востоке, имеющих константный характер и организующих дальневосточный локальный сверхтекст. Книга Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.)» в этом отношении является одним из репрезентативных текстов в корпусе дальневосточного локального сверхтекста.

Теоретической базой исследования послужили исследования по теории фронта (Тюрин, 2018; Шиловский, 2021), работы А. Л. Фокеева (2015), О. Н. Хайруллиной (2001) (Александровой-Осокиной), Т. В. Симашко (2017), посвященные творчеству С. В. Максимова, а также труды, обращенные к феномену дальневосточного фронта как смыслопорождающей основе дальневосточного локального текста (Головнев, 2019; Забияко, 2010; Милянчук, 2014; Фетисова, 2011). Под мифологией дальневосточного фронта (далее по тексту мы будем употреблять термин «фронтальная мифология»), характеризующей дальневосточный сверхтекст, согласно концепции А. А. Забияко, понимается концептуальная когнитивная парадигма, семантическим ядром которой становится представление о Дальнем Востоке как территории фронта (приграничья, порубежья). Дальневосточное пространство «породило свои особые межэтнические, межсоциальные, межрелигиозные отношения... сформировало и особую фронтальную ментальность со своей фронтальной мифологией, погружаясь в которую русский человек проверяет и свою духовную крепость, и способность понять и принять другую культуру и религию» (Забияко, 2011, с. 154). Исследователи Е. В. Головнева, Н. И. Мартишина отмечают, что фронтальный дискурс, репрезентирующий «фронтальную мифологию», включает в представление образа Дальнего Востока в русской литературе нарративы «природной исключительности; этнокультурной неоднородности, “окраинности” и мотивы переселенчества» (2018, с. 211). Методология исследования базируется на культурно-семиотическом (Топоров, 2003), мифологическом (Лосев, 1930) и геопоэтическом подходах (Абашев, 2012) к исследованию мифа как семантического текстового ядра.

Исходя из поставленной цели исследования, были определены следующие задачи: 1) выявить в книге С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.)» доминантный миф, образующий ядро фронтальной мифологии; 2) рассмотреть архетипические реминисценции и их художественную трансформацию в аспекте фронтальной проблематики; 3) выделить и описать основные смыслопорождающие мифологемы, представляющие художественный образ дальневосточной территории как фронта.

Источником материала исследования стала книга: Максимов С. В. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.): дорож. заметки и воспоминания С. Максимова. СПб.: Общественная польза, 1864.

В исследовании применялись сравнительно-исторический метод, обеспечивающий сопоставление сходных элементов в литературе, фольклоре и мифологии, а также структурно-семиотический метод, позволяющий выделить константные элементы художественного целого.

Практическая значимость статьи заключается в том, что собранный фактический материал может быть использован для рассмотрения этапов становления дальневосточного локального сверхтекста. Предложенный автором подход может быть востребован при проведении дискурсивных исследований литературы, обращенной к теме русского фронта. Полученные результаты можно использовать в процессе преподавания дисциплин «Русская литература XIX века», «Литературная регионалистика», «Актуальные вопросы этнопоэтики».

Обсуждение и результаты

В исследовательской традиции описания локальных текстов сложилась практика выделения доминирующего мифа (в философском понимании: когнитивного сценария, сложившегося в конкретных исторических условиях и определяющего коллективную систему ценностей, картину мира). Доминантный миф организует концептуологию текстовых вариантов внутри локального текста, например эсхатологический миф петербургского текста (Топоров, 2003), теллурический миф уральского текста (Абашев, 2012), лиминальный миф сибирского текста (Тюпа, 2002) и т. д. Для дальневосточного текста таким мифом является демиургический миф, выдвигающий на первый план во фронтальной мифологии мотивы цивилизационно-культурного создания, «мифологию героического служения», столь необходимую «деятельным русским» (Забияко, 2010).

Мотивы цивилизационно-культурного создания в книге С. В. Максимова в первую очередь связываются с образами крестьян-переселенцев, на плечи которых легли основные тяготы освоения дальневосточной земли, а мотивы героического служения России – с образами казаков и гарнизонных «русских солдатиков», а также с образами амурских первопроходцев.

Основным демиургическим персонажем в прозе С. В. Максимова является труженик крестьянин-переселенец. Опираясь на философско-художественную систему демократов-шестидесятников, писатель показывает,

что свободный труд на земле – это национально-патриархальная основа русской ментальности. Концепт ТРУД в национальной картине мира обогащается семантикой концепта ВОЛЯ – особого концепта «фронтирной» мифологии, связанного с устремлением крестьян-переселенцев к «вольной» жизни на новых территориях после отмены крепостного права. В авторской концепции С. В. Максимова «воля» становится основной ценностью крестьян на новых территориях:

«– А не тоскуете по родине?

– А чего тосковать-то: здесь ещё, пожалуй, и лучше, повольнее...» (1864, с. 145).

По мнению С. В. Максимова, свободный труд создает условия для раскрытия полного духовного потенциала русского человека и является основой созидательной деятельности, благодаря которой освоение дальневосточных пространств мыслится успешным для России.

Постижение С. В. Максимовым народного духа через «культурную память», запечатленную в фольклоре, обусловило наличие в повествовании большого количества фольклорного материала: народных песен, поговорок, сказаний, примет и т. п. Представления об Амуре как «райской земле» основываются на утопических легендах о существовании на Востоке за Уралом земель Даурии и Беловодья (Чистов, 1967).

Беловодье в легендах описывается как страна изобилия, материального благополучия, социальной справедливости. По народным представлениям, она находится на краю России, на Востоке, пейзаж ее экзотичен: «...древя с высочайшими горами равняются, там леса темные, горы высокие, расселины каменные» (Чистов, 1967, с. 283).

В легендах плодородие земли выражается в традиционных фольклорных формулах: «А земли, плоды всякие изобильны бывают, родится виноград, и сорочинское пшено, и другие сласти без числа. Золота, серебра и камня драгого и бисеру zelo много, ему же несть числа, яко и умом непостижимо» (Чистов, 1967, с. 283). В описаниях народных представлений об Амуре в книге С. В. Максимова встречаются прямые реминисценции из Беловодской легенды:

«– И что там за Мур (Амур) такой проявился? Али его допреж и на свете не было? Хорошо уж чтоле там, на Муре-то этом?

– Хорошо, хозяйюшка, так хорошо, что и сказать невозможно. Берега, слышь, кисельные, вода сытовая... Золота и серебра там много и камнями самоцветными пруд пруди, и птицы человеческим голосом молву ведут. И виноград растет, хозяйюшка! Там, тигры, хозяйюшка, водятся» (1864, с. 112). Образ тигра – «дикивинного» обитателя Приамурья – мифологизируется по канонам народного бестиария: «А это зверь такой, что волка лютее, медведя сильнее... благодатную сторонку обозначают. В худых местах не живут оне» (Максимов, 1864, с. 113).

Следует отметить, что дендрообраз винограда и анималистический образ тигра станут константными в представлении природной специфики Приамурья и Уссурийского края в последующей литературной традиции (в прозе Н. Пржевальского, В. К. Арсеньева, М. Пришвина, В. П. Сысоева и др.).

Обращаясь к поэтике народной легенды о Беловодье, С. В. Максимов тем самым пытается осмыслить причины переселения, большого «похода» русских на Восток в поисках воплощения извечной мечты русского крестьянина о земле, на которой утроена справедливая жизнь, на которой возможен свободный труд, на которой русский человек будет жить вольготно.

Приводя мифопоэтическую легенду об амурских землях как легендарном Беловодье, народном образе «рая» в начале книги, по мере повествования автор сменяет мифологему утопического «рая» мифологемой «потерянного рая», которая связывается в сознании переселенцев с образами покинутой «Расеи». Мотив «потерянного рая» зачастую находится в контексте с позиционированием жизни на новых территориях как «ада». В одном из диалогов переселенцы сетуют на тяжелое существование, воспринимая происходящее как «кару божию», суеверно отмечая нашествие змей («дьявольская сила»), слепней, рождение «зобатых телят» (Максимов, 1864, с. 165). На уровне коллективного бессознательного эти трудности связываются с вынужденным отступлением от народных традиций.

Концептуализация амурских земель как пространства «горя» зафиксирована и в появляющемся на новых территориях фольклоре, например в одной из новых пословиц, сложённой амурским переселенцем, которую записал автор: «Кто на Амуре не бывал, тот и горя не знавал, кто на Амуре побывал, тот и горе распознал» (Максимов, 1864, с. 189).

Размышляя о специфике освоения сибирского и дальневосточного пространства русскими, автор противопоставляет этот процесс колонизации Америки (американскому фронтиру): «В Америке дух предприимчивых и торговых спекуляций имел последствием, что цветущие колонии, города, мануфактуры, фабрики возникают с неизмеримою быстротою: всему этому осталась чужда Сибирь» (Максимов, 1864, с. 138). Причину этому автор усматривает в отсутствии «предприимчивого духа», который не мог сформироваться в Сибири по природно-географическим и социальным условиям (причиной тому, по мнению автора, большой процент каторжан, которым чужд свободный созидательный труд). Для Амура же, по словам С. В. Максимова, «обстоятельства сложились иначе, благоприятнее» (1864, с. 139), а созидательный труд и предприимчивость новых вольных поселенцев обеспечат развитие этих территорий в будущем.

В народном сознании понимание «предприимчивого духа» «амурцев» отличается от авторского, который связывает его в первую очередь с прогрессивным цивилизационным созиданием. В представлении персонажей – выходцев из различных сословий, чьи мысли автор объективирует через диалоги, рассказы, присказки, песни, за «амурцами» закрепляется образ предприимчивых авантюристов, мошенников, проказников. Чаще всего такие характеристики относятся к гарнизонным солдатам, образы которых стереотипизируются в соответствии с фольклорной традицией социально-бытовых сказок о хитром, находчивом русском солдате. Этому образу придают черты «трикстера», его деятельность называют «проделками», «похождениями»,

самого солдата – «плутом», «сорванцом». В одном из эпизодов ямщик рассказывает историю о том, как «амурец» обхитрил старуху, обрезав рукава у новой шубы, спрятав их и выдав безрукавку за свою «особую солдатскую шубу». Дискурс авторского повествования меняется на сказовый, апеллируя к фольклорным сказкам о русском солдате:

«– А я, у вас, бабушка, шубу забыл.

– Какую шубу, не видала у тебя такой.

– Овчинную, бабушка, шубу забыл, новую.

– Да новая шуба-то наша...

– У тебя, бабушка, не бывает такой: моя шуба солдатская, без рукавов.

– Без рукавов у нас не живёт шубы, – ворчит бабушка, – коли найдешь без рукавов шубу – твоя шуба» (Максимов, 1864, с. 126).

С. В. Максимов подчеркивает, как «увлечен и очарован поступком амурца» ямщик (1864, с. 127). Такая дуальность, «амбивалентность» («доброе зло») характерна для мифологической трактовки образа плутатрикстера в мифологии (Топоров, 1987; Шлыкова, 2021).

В другом эпизоде крестьянин говорит, что не хочет принимать гарнизонных солдат. На вопрос автора почему, крестьянин отвечает: «...пакостят много... бедокурят, ну их к ляду» (Максимов, 1864, с. 145), но при этом ласково называя их «сынки», «солдатики». Эта амбивалентность в народном восприятии образа русского солдата подтверждает, что во фронтальном дискурсе ему придаются трикстерные черты «добротного проказника», при всех его недостатках, а «предприимчивый», авантюрный дух казаков и солдат, наряду с крестьянами составляющих основное русское население на фронтальной территории, по мнению С. В. Максимова, станет основой процветания дальневосточного края в будущем.

Модификационным демиургическим типом «деятельного русского» наряду с образами легендарных первопроходцев на восточные территории (Ермак, Хабаров, казацкие атаманы, о которых упоминает С. В. Максимов, и т. д.) является образ автора-путешественника (созидателя в первую очередь духовных ценностей, «ментального» образа пространства новых русских территорий) – писателя-этнографа (а в последующей литературной традиции он сменится образом писателя-натуралиста), чьей миссией, с одной стороны, является концептуализация России, «прирастающей новыми землями», с другой стороны, постижение народного духа на территориях фронта. С. В. Максимов говорит о Приамурье как фронтальной территории, отличающейся полиэтничностью, что обуславливает неизбежность межкультурного взаимодействия и важность духовной миссии русского народа по закреплению национальной культуры на новых рубежах: «...там, на Амуре совершается интересный, поучительный процесс перерождения разных национальностей во имя новой страны» (1864, с. 115). Таким образом, автор-повествователь наряду с героями его книг является человеком фронта, «ментальным демиургом», чья функция заключается в концептуализации образа Дальнего Востока.

В общей парадигме дальневосточного текста данные мифологемы обусловили такие ценностные доминанты дальневосточного текста, как устремленность к цели – выполнению задачи, осуществлению мечты, реализации задуманного, потенциальная возможность к освоению новых обширных пространств, мотивы совместного преодоления трудностей, взаимопомощи, мотив выживания в борьбе со стихией, враждебными силами (Милянчук, 2014).

Важнейшее смыслопорождающее значение на фронтальных территориях имеет оппозиция «свой – чужой». Внутренняя форма слова «освоение» апеллирует к интериоризации «чужого» как «своего», к преобразованию «чужого» в «свое». В мифологическом мировоззрении оппозиция «свое – чужое» абсолютно антонимична: все, что свойственно «своему», не свойственно «чужому» и наоборот.

В этой парадигме амурские переселенцы изначально воспринимают новые земли. На страницах книги не раз жизнь на Амуре противопоставляется жизни в «Расеи», в родных местах, откуда прибывали переселенцы.

Все их описания бедствий на амурской земле основываются на сравнении, прямом или косвенном, с жизнью в «родимой сторонке». С другой стороны, для коренных жителей России, не вовлеченных в переселенческие процессы, формирующийся новый тип «амурца» тоже мыслится как «чужой» и размышления о нем построены на антиномии «свой – чужой» в дискурсе «а у нас... а у них, а мы... а они» (разговор с ямщиком об «амурцах» и их нравах дискурсивно строится на прямом противопоставлении деятельности и нравов «сибиряков» и «амурцев»).

На бинарной оппозиции «свой – чужой» также выстроены главы, посвященные путешествию автора в приграничные страны: в Японию, Манчжурию, Китай, в которых автор проявляет себя, скорее, как этнограф, ориентируясь на изображение действительности, отличной от русской, европейской: «...японские дома ни малейшей йотой не напоминают домов привычного вида и формы» (Максимов, 1864, с. 392); «...до того китайский театр не был похож на тот, до которого доработалась Европа!» (Максимов, 1864, с. 561).

В этих главах оппозиция «свой – чужой», в отличие от переселенческих глав, выходит на макроцивилизационный уровень и выстраивается не столько в координатах «русское – нерусское», сколько в цивилизационной оппозиции «Запад – Восток». Примечательно, что жителей других государств единственный персонаж книги, имеющий фамилию, – моряк Ершов (собирает образ, архетипически близкий к образу «русского богатыря») – характеризует в одной из разновидностей парадигмы «свой – чужой» («люди – нелюди»): «Это не люди – говаривал он мне, это – канаки... слово это прилаживалось потом Ершовым, ко всему, что не русское» (Максимов, 1864, с. 367).

Автор подчеркивает, что другие народы, кроме русских, французов, немцев и англичан (людей Запада), Ершов «не признавал за людей».

Совершенно другая парадигма представлена в осмыслении взаимодействия русских переселенцев с коренными народами в условиях дальневосточного фронта. Оппозиция «свой – чужой» трансформируется в оппозицию

«свой – иной» (близкую к философской оппозиции «я – Другой» в варианте «Другой как я», в которой при очевидной противопоставленности явлений существует интенция на поиск общих точек соприкосновения).

Это находит отражение не только в мировоззренческом плане, когда сравниваются ценности различных культур (уважение к предкам, взаимопомощь, горе от потери родного дома и т. д.), ментальные характеристики различных народов, но и в художественных приемах построения текста, когда иная культура осмыслиется через свою: автором используется лексика, в семантике которой представлен «узнаваемый» русскими культурный код: «...оморочка, или лучше, корыто из бересты» (Максимов, 1864, с. 315); в домике китайцев, живущих в бухте Ольга в соседстве с русскими поселенцами, «на стене висела картина, раскрашенная яркими красками, решительно наподобие наших суздальских изображений» (Максимов, 1864, с. 184). И хотя в прозе С. В. Максимова еще нет персонафицированного инокультурного героя – коренного жителя Приамурья, подобного Дерсу Узала, постулирование автором духовной общности между представителями различных культур и мысль о возможности совместного выживания в трудных условиях Приамурья только с учетом следования нравственным гуманистическим законам явились предпосылками для появления инокультурных персонажей-помощников в дальнейшей литературной традиции.

Важным также представляется внимание автора к процессу «освоения» новых территорий, перевода «чужого» в «свое». Это не только привнесение на новые территории привычных способов хозяйственной деятельности (С. В. Максимов большое внимание уделяет описанию способов ведения хозяйства, построению и обустройству новых поселений, церквей и т. д.), народных традиций (праздников, народных ремесел, фольклора), но и «означивание» пространства через русский язык. Речь идет не только о топонимической категоризации пространства в концептуальных репрезентантах национальной русской культуры (станция Черняева, станция Казакевича, город Благовещенск и т. д.), но и о «именаречении» отдельных фрагментов действительности (как на конкретно-бытовом, так и на концептуально-абстрактном уровнях). В дискурсе процесс номинации описывается большим рядом синонимичных глаголов «назвать», «приладить прозвание», «окрестить», «именовать», «дать название», «наречь», «прозвать». При этом все эти слова представлены в речи крестьян-переселенцев в диалогах. Это связано не только с эстетической устремленностью автора, являвшегося продолжателем традиций В. И. Даля, запечатлеть многообразие форм и живость языка простого русского народа, но и с авторской позицией, основанной на мысли о закреплении русской культуры через язык на новых территориях как коренном цивилизационно-историческом повороте.

Заключение

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что в книге С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.)» выявляются черты «дальневосточного мифа», обладающего особой семантикой, в основе которого представление о Дальнем Востоке как территории фронта, порубежья.

Основой для «дальневосточного мифа» является демиургический миф, мыслящий фронтальную территорию как созидательное пространство русской культуры. В художественном мире С. В. Максимова созидательный потенциал на новых территориях обуславливается глубиной народной ментальностью русского человека, основанной на стремлении к вольной и справедливой жизни, провиденциализме и народных традициях.

Проведенный анализ показал, что в образах «амурцев», представленных в книге С. В. Максимова в этнографических и фольклорных зарисовках о жителях Приамурья, нашли воплощение архетип демиурга (первопроходцы, крестьяне-переселенцы) и архетип трикстера (гарнизонные солдаты). Семантика этих архетипических образов обусловила такие черты героев дальневосточного локального текста, как «предприимчивость», «героика» в условиях труднопроходимых территорий и склонность к риску, авантюризму.

В книге С. В. Максимова нашли отражение народные представления о восточных землях как легендарном Беловодье, поэтому определяющей парадигмой осмысления жизни на новых территориях переселенцами в народном сознании переселенцев стала оппозиция «рай/ад», что, с одной стороны, сближает «фронтальную мифологию» о Дальнем Востоке с сибирской «фронтальной мифологией», с другой стороны, характеризуется особой семантикой, связанной с «вольной» жизнью.

Характерным для «фронтальной мифологии» у Максимова становится изменение вектора в описании фронта в категориях «свой/чужой» на парадигму «свой/иной», исключая межкультурную конфронтацию и направленную на поиск общего в ментальности разных народов, что, по мысли автора, является залогом для успешного будущего России, основывающей русскую культуру в новых землях.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в расширении контекста изучения «фронтальной мифологии» в путевой прозе XIX века, ставшей основой для литературной традиции в представлении образа Дальнего Востока в русской литературе. Перспективным также представляется более детальное изучение образов «людей фронта» в прозе С. В. Максимова с целью выявления вектора развития этого типа в литературной традиции.

Источники | References

1. Абашев В. В. Литература и география: Урал в геопозитике России // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 2 (19).
2. Головнев И. А. Фронтальный дискурс в творчестве В. К. Арсеньева // Уральский исторический вестник. 2019. № 3 (64).

3. Головнева Е. В., Мартишина Н. И. «Владеть Востоком»: конструирование образа региона в творчестве В. К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1.
4. Забияко А. А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2.
5. Забияко А. А. «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20-30 гг. XX в.) // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: мат. междунар. науч.-практ. конф. (г. Благовещенск, 24-25 мая 2010 г.). Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, 2010. Т. 9 / отв. ред. А. П. Забияко.
6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 1930.
7. Люсьи А. П. Карта текстологической полифонии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. Т. 26. № 5.
8. Милянчук Н. С. К вопросу о «географической» типологии текстов: существует ли «дальневосточный» текст? // На перекрестках филологических дорог: сб. ст.: к юбилею доктора филологических наук, профессора Елены Александровны Первушиной / под ред. Т. И. Петровой. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2014.
9. Симашко Т. В. Сопоставление как стилистический прием в очерках С. В. Максимова // Язык. Сознание. Концепт: сб. науч. раб. Мелитополь: Изд-во Мелитопольского государственного педагогического университета им. Богдана Хмельницкого, 2017. Вып. 7 / отв. ред. О. Г. Хомчак.
10. Топоров В. Н. Образ трикстера в Енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX вв.: сб. ст. / отв. ред. И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев. Новосибирск, 1987.
11. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды / ред. Н. Г. Николаюк. СПб.: Искусство-СПБ, 2003.
12. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1.
13. Тюрин А. В. Как создавалась Россия: русский фронт. М.: Вече, 2018.
14. Фетисова Л. Е. Дальний Восток России в локальных текстах русской литературы конца XIX – начала XX вв. // Культурное наследие Дальнего Востока и Забайкалья: мат. регион. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию основания Амурского областного краеведческого музея и 130-летию со дня рождения известного ученого-краеведа Г. С. Новикова-Даурского (г. Благовещенск, 1-2 октября 2011 г.) / под ред. В. Н. Абеленцева. Благовещенск: Амурской областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 2011.
15. Фокеев А. Л. Народная культура в этнографической прозе С. В. Максимова. М.: URSS; ЛЕНАНД, 2015.
16. Хайрулина О. Н. Очерк второй половины XIX века: жанрово-стилевая характеристика; на материале очерков о российском Дальнем Востоке: дисс ... к. филол. н. Владивосток, 2001.
17. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М.: Наука, 1967.
18. Шиловский М. В. Освоение российского Дальнего Востока в XIX – начале XX века в рамках теории фронта // Актуальные вопросы истории Сибири. Тринадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: сб. науч. ст. 13-й всерос. науч. конф. (г. Барнаул, 7-8 октября 2021 г.) / под ред. В. А. Скубневского, Д. С. Боброва. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2021.
19. Шлыкова С. П. Генезис архетипа трикстера в русской литературе // ИКОНИ: российский научный журнал. 2021. № 2.

Финансирование | Funding

RU Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 23-28-01494, проект «Образ “дальневосточного фронта” в русской путевой прозе XIX века».

EN The reported study was funded by the RSF, project No. 23-28-01494 “The image of the ‘Far Eastern frontier’ in the Russian travel prose of the XIX century”.

Информация об авторах | Author information

RU **Васильева Татьяна Владимировна**¹, к. филол. н.
¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

EN **Vasilyeva Tatyana Vladimirovna**¹, PhD
¹ Pacific National University, Khabarovsk

¹ 004711@pnu.edu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.07.2023; опубликовано online (published online): 21.08.2023.

Ключевые слова (keywords): С. В. Максимов; фронт; мифологема; локальный свертхтекст; демиургический миф; S. V. Maksimov; frontier; mythologeme; local supertext; demiurgical myth.